

Е. А. ГРИГОРЬЕВА, А. А. КУЗНЕЦОВ

ИСТОРИК НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ СОКОЛОВ (НОВЫЕ ДАННЫЕ К БИОГРАФИИ УЧЕНОГО)

В статье представлен опыт биографии Н.П. Соколова. Основными источниками стали новые материалы архивов Нижнего Новгорода, воспоминания, письма историка и его коллег. Показаны научное формирование Н.П. Соколова в Нежинском институте, Петербургском университете, процесс возвращения в науку и высшую школу после долгого отлучения. Представлены сведения о профессиональной и преподавательской деятельности Н.П. Соколова в Горьком (Нижнем Новгороде).

Ключевые слова: *Н.П. Соколов, С.И. Архангельский, Н.И. Кареев, Петербургский университет, Горьковский университет, Горький (Нижний Новгород).*

Имя Николая Петровича Соколова (1890–1979) одинаково торжественно упоминается на исторических факультетах Нижегородских гос- и пед- университетов. «Ученик известного российского ученого академика Н.И. Кареева, работавшего в Санкт-Петербургском университете», «отец-основатель» (наряду с С.И. Архангельским), специалист по новой истории Франции (кандидатская диссертация), политической истории Средиземноморья в средние века (докторская диссертация), блестящий лектор (комплименты в устных и опубликованных воспоминаниях), организатор и пропагандист науки – вот немногие из эпитетов, прикладываемых к имени Н.П. Соколова.

Ярким моментом его биографии является приход в высшую школу и историческую науку после вынужденного многолетнего отстранения от них. Автобиографические материалы позволяют понять, как сам Соколов осознавал эту перемену. Ранее его биография составлялась исключительно на основе воспоминаний о нем и личного фонда в Центральном архиве Нижегородской области¹. Это обстоятельство многое объясняет. С одной стороны, большую часть личного документального фонда Соколов незадолго до смерти уничтожил², с другой – в нижегородских архивах имеются еще неизученные материалы, относящиеся к биографии ученого – сведения из делопроизводственных бумаг отделов кадров пединститута и университета, что позволяет представить новые

¹ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2976. Оп. 1.

² Эту информацию сообщила директор музея Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского Т.И. Ковалева, ссылаясь на свидетельство ученицы Н.П. Соколова – Елены Дмитриевны Воробьевой, ныне покойной.

данные о его жизненном и научном пути (при цитировании сохраняются орфография и пунктуация документов).

Среднее образование Н.П. Соколов, выходец из семьи священника, получил в Арзамасском духовном училище и в Нижегородской духовной семинарии. По его признанию в автобиографии: «Из последней я выбыл по окончании четырех общеобразовательных классов и поступил по конкурсному экзамену в сентябре 1910 г. в Нежинский Историко-Филологический Институт князя Безбородко»³, законченный в июне 1914 г. с аттестатом № 1357⁴. С 1-го июня Соколов был назначен учителем гимназии и реального училища К. Мая в Петербурге «с одновременным прикомандированием к Ленинградскому университету по кафедре новой истории для подготовки к профессорской деятельности»⁵. Под Ленинградским университетом в советской анкете Соколова подразумевается Санкт-Петербургский университет, где его наставниками были профессора Н.И. Кареев, И.М. Гревс, М.И. Ростовцев, С.Ф. Платонов⁶. Кареев помнил своего ученика: «...еще очень дельный и работающий, хорошо подготовленный к научной деятельности Ник. Петр. Соколов. Он, собственно, не был петербургским студентом, а... был прикомандирован к нашему университету, избрав для своих занятий руководство мое и И.М. Гревса. Когда окончился срок его прикомандирования, он уехал на родину, и что с ним случилось, мне неизвестно, хотя одно время он и подавал вести о себе. В Соколове я видел тоже будущую научную силу»⁷. Среди учителей Соколов упомянул эмигрировавшего Ростовцева и репрессированного Платонова лишь один раз, в отличие от других наставников, не провинившихся крупно перед Советской властью. Указание на Ростовцева подтверждается воспоминаниями студента историко-филологического факультета Горьковского государственного университете (ГГУ) второй половины 1960-х гг. Н.А. Бенедиктова: «Да и попробуйте не среагировать на фразу о Тойнби, который, по словам Н.П. Соколова, был “неплохой ученик моего учителя М. Ростовцева. Тойнби пытался украсить смысл, идущий от Данилевского, но в результате его скорее затуманил!”»⁸.

Рубежом в судьбах страны и Н.П. Соколова стал 1917 год. Есть сведения о том, что политически близкий эсерам Соколов служил в ап-

³ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 25.

⁴ Меженин, Кузнецов. 1996. С. 167.

⁵ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 2.

⁶ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 3, 27.

⁷ Кареев. 1990. С. 260.

⁸ Николай Анатольевич Бенедиктов. 2005. С. 57, 58.

парате Временного правительства⁹, о чем, естественно, в советских анкетах не упоминал. В воспоминаниях А.Я. Левина, ученика Соколова, со слов последнего указано: «Однако это был меньший грех, чем пребывание в рядах меньшевиков и эсеров. Этих арестовывали... Николая Петровича спасло то, что он уехал из Питера. Он состоял в эсерах, но в списках Нижегородского ЧК-НКВД не значился. Всех местных эсеров в тридцатые годы “замели”. Не случайно Соколов долго отсиживался в провинции. В 1917 году, когда был объявлен открытый конкурс по поступлению в дипломатическую службу Николай Петрович такой конкурс прошел и был назначен консулом то ли в Швейцарию, то ли в Италию, я запамятовал. Не помню также, успел он добраться до места службы или Октябрь помешал. Разговор на эту тему был, но подробности выпали из памяти»¹⁰. Предоставим слово Н.П. Соколову: «В 1917 г. весной я выдержал магистерский экзамен, но в начале 1918 г., по условиям жизни я в Ленинграде, я должен был покинуть этот город и был назначен зав. школой II ступени в с. Черновское Сергачского уезда Нижегородской губ. Вскоре я был переведен отделом Нар[одного] обр[азования] на такую же должность в с. Гагино того же уезда и губ.»¹¹; «В этой должности я продолжал работу до 1923 г., когда вследствие уничтожения истории, как предмета преподаваемого в средней школе, я вынужден был переменить работу»¹²; «В 1923 г. я перешел на работу в потребкооперацию в г. Ветлугу Горьковской обл. (Нижегор. губ.). В 1927 г. из Ветлуги я был переведен в г. Горький, где выполнял обязанности нач. планово-финансового отдела облторготдела»¹³, и «был назначен нач. планово-финансовым сектором Горьковского сначала торготдела а затем край и облторготдела»¹⁴.

За 10 лет Соколов «приобрел некоторые познания в области экономических наук и имел ряд печатных работ в этой области»¹⁵. Далее он писал: «С конца 1934 г. преподавание истории стало восстанавливаться как в средней, так и высшей школе... Это заставило меня “самовольно” перейти в школу № 25 Ждановского района в 1936 г. в качестве преподавателя истории. Здесь я прошел аттестацию и получил звание учителя

⁹ *Меженин, Кузнецов.* 1996. С. 167–169. О студенческой молве о политической близости Соколова к (левым) эсерам см. также: *Помазов.* 2005. С. 37; *Капанов.* 2005. С. 111.

¹⁰ Не подводя итоги... 2011. С. 106.

¹¹ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 2.

¹² ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 3.

¹³ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 2.

¹⁴ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 3.

¹⁵ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 3–3 об.

средней школы этого предмета»¹⁶. Такой поворот – от успешной карьеры практика-экономиста к началу учительской послужной лестницы – не был резким, если учесть, что в беседах с учениками Соколов упоминал постоянные занятия по истории в 1920 – начале 1930-х гг.¹⁷ В сентябре 1938 г. Н.П. Соколов был ненадолго арестован по обвинению в связях с царской фамилией Романовых¹⁸. В автобиографических документах он не писал, что арестовывался или привлекался к следствию.

Вскоре Соколов стал завучем школы № 25¹⁹. Возможно, его вступление в эту должность произошло до 1939 г. В письме С.И. Архангельскому С.Н. Чернов вспомнил об уговорах летом 1939 г. В том числе: «Помню, что Вы... хотели получить от меня заверение, что в 1939–40 г. я буду преподавать в Горьком. Помню, Вы даже привлекли к беседе об этом Вашего славного завуча»²⁰. Если так, то тогда появляются основания для идентификации завуча, упомянутого в письме Чернова. Несколько слов о нем. Сергей Николаевич Чернов – ученик С.Ф. Платонова, занимавшийся проблемами русской средневековой истории, движения декабристов²¹. Он в 1937–39 гг. преподавал в Горьковском государственном пединституте (ГГПИ). По личным причинам отказался от выездной работы в Горьком²². Декан исторического факультета Архангельский безуспешно уговаривал его продолжить преподавание в пединституте. Что заставило Архангельского привлечь Соколова к уговорам? Наверно, то, что Соколов в 1914 г. готовился к магистерским экзаменам и преподавательской деятельности в в Петербурге под наставничеством Н.И. Кареева, И.М. Гревса, М.И. Ростовцева, С.Ф. Платонова. Это были ученые, наставлявшие в магистратуре С.Н. Чернова.

С 1940 г. Соколов начал руководить педагогической практикой студентов ГГПИ²³, «в 1940 г. выдержал экзамен, именуемый кандидатским минимумом, при Горьковском педагогическом Институте»²⁴. Для

¹⁶ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 3, 3 об.

¹⁷ *Меженин В.М., Кузнецов.* 1996. С. 170, 172.

¹⁸ *Фионова.* 1990. С. 6–7. Прим. 2.

¹⁹ *Кузнецов, Меженин.* 1988. С. 129–130; *Фионова.* 1990. С. 6. Эти сведения взяты авторами из: ЦАНО. Ф. 2976. Оп. 1. Д. 1а. Л. 2 об.

²⁰ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 325. Л. 18.

²¹ См. подробнее: *Андреева, Соломонов.* 2006.

²² *Кузнецов А.А.* «Признаюсь, что я любил и люблю Горький и его славное, замечательное студенчество, его институт и моих по нему товарищей»: материалы к биографии С.Н. Чернова в 1937–1941 гг. (*в печати*). См. также: *Григорьева, Кузнецов.* 2011. С. 207–216.

²³ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 8.

²⁴ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 2.

Соколова этот экзамен неожиданно стал испытанием, как следует из сведения ученика С.И. Архангельского – А.Я. Левина: «... отношения между Николаем Петровичем и Сергеем Ивановичем [Архангельским] были непростыми. Николай Петрович как-то при мне с обидой вспоминал, что Сергей Иванович потребовал, чтобы он сдавал перед защитой обычные кандидатские экзамены, между тем, как он еще в Петербургском университете сдал магистерский экзамен, в том числе кляузурное сочинение. Он был оставлен в закрытой аудитории без всякой литературы и должен был экспромтом написать работу определенного объема, кажется, о Кондорсе. Потом он эту обиду припомнил. Как тогда утверждали, Сергей Иванович, выйдя на пенсию, рассчитывал, что будет в какой-то форме продолжать работу на кафедре. Но Николай Петрович, как мне тогда сказали, воспротивился, желая быть единоличным авторитетом»²⁵.

Появление на историческом факультете ГГПИ Соколова было обусловлено его желанием вернуться в науку и, как надо полагать, стремлением Архангельского создать коллектив специалистов-историков. В 1942 г., Соколов был зачислен в штат ГГПИ²⁶. Видимо, это трудоустройство было обусловлено письмом Соколова Архангельскому:

«г. Горький. 18-е июля 1942 г.

Глубокоуважаемый Сергей Иванович!

Спешно уезжая в Катунки – примерно на неделю – и не будучи уверен в возможности видеть Вас лично, позволяю себе обратиться к Вам с настоящим письмом... Как выяснилось на заседании кафедры, Институт приступает к новому учебному году на несколько расширенной против истекшего учебного года года основе. Точнее Институт возвращается если не к прежнему объему работы (сокращ[ение] числа студентов), то более или менее к объему близкому к нему. По опыту работы в средней школе я знаю, что даже резко сократившееся число часов не находит лиц, желающих взять их. Это особенно относится ко 2й половине года. Преподаватели стремились ограничиться минимумом уроков. Вам, разумеется, понятны причины этого явления. Я не знаю, так ли обстоит дело в Институте, – судить по аналогиям не всегда возможно; но если это в какой либо мере так, т.е. если расширенный объем занятий не встретит горячего желания со стороны действующего состава преподавателей приложить к ним свои усилия, то как бы эти занятия не были ничтожны, как бы они в каком-нибудь отношении ни были неприятны или трудны, я почел бы для себя за честь взяться за эти занятия.

Я рассматриваю занятия в Институте для себя не как добывание средств к жизни, – теперь это и не моя только точка зрения, – а как почетную роль, играть которую по разным причинам суждено мне не было. Такое понимание этого дела само собою предполагает то условие, что взяться за какую бы то ни было работу я не хотел бы против чьего бы то ни было желания, – будь это даже самый скромный член преподавательского коллектива.

²⁵ Не подводя итоги... 2011. С. 106–107.

²⁶ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 8.

Вот и все. Я надеюсь, что Вы меня поймете и простите, быть может, за некоторую назойливость с моей стороны. Я должен еще раз подчеркнуть, что для меня это только желательно, но ни в какой степени не является предметом напряженных исканий, если так можно выразиться...

Пользуясь случаем, еще раз благодарю Вас, уважаемый Сергей Иванович, за проявленные Вами во всем моем деле исключительное и глубоко бескорыстное внимание и компетентные заботы.

Глубоко уважающий Вас Н. Соколов.

P.S. Через недельку предполагаю увидеться с Вами лично... Si fata sinant²⁷...»²⁸.

В 1943 г. Н.П. Соколов в Казани защитил кандидатскую диссертацию, посвященную философским и историческим взглядам Тюрго. Проблематика исследования связана с темой выпускной работы Соколова в Нежинском институте²⁹. «Ведущий историк тех лет Е.В. Тарле назвал труд диссертанта «жемчужиной»»³⁰. Степень кандидата исторических наук была присвоена Соколову лишь в 1946 г.³¹.

На этом трудности возвращения Соколова в науку и высшую школу не кончились. 8 сентября 1944 г. вопрос о его служении ГГПИ обсуждался на заседании партбюро института:

«Копелова – мне кажется, что заседание кафедры дало некоторую возможность судить о Соколове, как преподавателе, о его мировоззрении. По лекциям это проверить уже нельзя, поскольку учебный год закончился. Бросается в глаза пренебрежительное отношение Соколова к студентам. Он свой курс строил так, чтобы доказать, что премудрость древней истории недоступна студентам. Он умышленно усложнял вопросы. Под конец скомкал курс, в 5 дней прочел всю историю древнего Рима... Соколова нам не переделать, придется с ним расстаться.

Сафонова – у меня твердое мнение, что у Соколова существует презрительное отношение не только к студенчеству, но и ко всему коллективу преподавателей. Он себя ведет так, будто он один преподает на должном научном уровне. Студентам в их самостоятельной работе не помогает. У меня впечатление, что он не может работать в нашем советском вузе.

Добротвор – значительная доля вины лежит на кафедре всеобщей истории. Раньше неудовлетворительно вел курс Бергер³². Потом еще хуже преподавал Илларионов. Теперь обнаруживаются серьезные недостатки у Соколова. А где же кафедра? Соколов человек способный, эрудированный. Я думаю, что нельзя идти по линии наименьшего сопротивления – освобождать его. Надо улучшить руко-

²⁷ Если бы угодно было судьбе (лат.) – цитата из «Энеиды» Вергилия.

²⁸ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 292. Л. 1–1об.

²⁹ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 25 об.

³⁰ *Меженин, Кузнецов*. 1996. С. 173. См.: *Фионова*. 1990. С. 7. Этот эпизод стал настолько легендарным, что порой его переносят на защиту докторской диссертации Н.П. Соколова.

³¹ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 4.

³² Известный советский антиковед Анатолий Ксавериевич Бергер преподавал в 1930-е гг. в ГГПИ.

водство им и контролировать его работу. В институте его надо оставить, но больше контролировать. С.И. Архангельский должен лучше руководить преподавателями... Необходимо продумать вопрос о мероприятиях по устранению недостатков. Соколова в институте оставить, но контролировать его.

Соболев – у Соколова выявлены организационно-методические недостатки, но за это снимать нельзя. Работает в вузе первый год.

Логинов – даю справку: Соколов читал курс истории у географов. Там остались им довольны. С.И. Архангельский намечал было перевести Соколова на Историю средних веков, но я думаю этого делать не следует. То, что Соколов скомкал курс истории Рима, в этом виноват декан, он так спланировал прохождение курса. Соколова надо оставить.

Копелова – у Архангельского С.И. было даже намерение перевести Соколова на курс Новой истории. Но я думаю, что это еще хуже.

Лизунов – у Соколова большие знания, но он занимает неправильную позицию, подчеркивая, то, что будто бы другие преподаватели читают лекции на низком уровне. Контакта с аудиторией у Соколова не было. Во время его лекций студенты нарушали дисциплину. В разговорах Соколов резко высказывался о студентах, изображая так будто большинство студентов не подготовлены к учебе в вузе.

Селезнев: беда в том, что кафедра всеобщей истории не руководила Соколовым... Удивительно, что Соколов не только по отношению к другим преподавателям, но даже по отношению к С.И. Архангельскому пытается взять верх, т.е. подчеркивать свое мнимое превосходство... Коммунисты Копелова, Дядькин и Кустов должны помочь Архангельскому устранить недостатки в работе кафедры. Переводить на средние века Соколова нельзя»³³.

В конце концов, Н.П. Соколов был оставлен на кафедре.

Очевидно, что к преподаванию в высшей школе Соколов прикладывал строгие требования, вероятно, сложившиеся у него еще до 1917 г. и закрепившиеся в годы отлучения от Истории. Студент второй половины 1960-х гг. передал мнение Соколова о «проработке» 1940-х гг.: «С его же слов, в пединституте он прослыл женоненавистником и фашистом. Дело в том, что учились там в эти годы женщины, пришедшие на истфак не по призванию, а просто уклоняющиеся от всяких воинских мобилизаций. Учиться им было неинтересно, и в своих работах они дословно переписывали тексты из учебников, а Николай Петрович беспощадно ставил им «неуды» и приводил в пример работы единственного на факультете парня, которого по болезни не взяли на фронт»³⁴.

Думается, что указанные обстоятельства были поводом. Обратим внимание, что зачинщиком обструкции Соколова выступила Ю.И. Копелова. Затем она выступила еще раз, заявив о намерении Архангельского передать Соколову курс новой истории (диссертация о Тюрго – доста-

³³ Государственный политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 932. Оп. 1а. Д. 12. Л. 93–93 об.

³⁴ Помазов. 2005. С. 37.

точное основание). Второе заявление показательно, поскольку именно Копелова читала этот курс. Симптоматичны упоминания С.И. Архангельского. Они двойки. С одной стороны это – нападки партийных, идеологически «правильных» историков, с другой – наблюдается желание К.Г. Селезнева (представитель школы М.Н. Покровского) столкнуться с историками, чья научная квалификация сформировалась до 1917 г.

Примечательно, что за несколько лет до этого о слабой школьной подготовке студентов ГППИ докладывал на заседании кафедры истории народов СССР С.Н. Чернов, отметивший «неподготовленность студентов, неумение работать над книгой, незнание древнего русского языка»³⁵. Архангельский на заседании партбюро в феврале 1945 г., посвященном учебным делам, высказывался о слабой довузовской подготовке студентов-историков, подобно Соколову³⁶. Начиная с того же 1945 г., Соколов, согласно официальной справке, «...читает курс лекций по истории средних веков и ведет спецсеминары по истории Византии и южных славян»³⁷. Наверное, Архангельскому удалось убедить руководство ГППИ в необходимости передачи Соколову этих курсов.

Обратим внимание на новую тему в преподавании Соколова – «истории Византии и южных славян». Истории Византии станет частью предмета докторского исследования Соколова. Почему он начал изучать Византию после диссертации об общественно-политических взглядах Тюрго? Ответ есть в фонде Архангельского. Е.А. Косминский писал ему 10 декабря 1943 г.: «Образовалась еще группа по ист[ории] Византии. Есть ли в Горьком люди, занимающиеся этими вопросами?»³⁸. Среди писем Архангельскому обнаружена почтовая карточка от 06 января 1944 г., имя отправителя которой неизвестно. Косвенные данные и детали почерка позволяют атрибутировать отправителя – Косминский. Примечательны строки: «Очень прошу Вас поговорить с Н.П. Соколовым. Если его привлекает мысль примкнуть к работе Византийской группы Инст[итута] Ист[ории] АН, сделать доклад на Визант[ийскую] или смежную тему, дать статью; взять перевод первоисточника, то мы будем очень рады»³⁹. Видимо, непосредственный импульс, подвигнувший Соколова на исследование проблематики, связанной с историей Византии, исходил от инициативы Косминского по созданию группы по исследованию истории Византии в Институте истории АН СССР.

³⁵ ЦАНО. Ф. 907. Оп. 1. Д. 846. Л. 4 об., 5, 6.

³⁶ ГОПАНО. Ф. 932. Оп. 1а. Д. 13. Л. 16 об.

³⁷ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 13.

³⁸ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 193. Л. 17а.

³⁹ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 201. Л. 162.

В 1946 г. Соколов вместе с коллегами попал под прицел партийного контроля. В «Справке о состоянии воспитательной работы в вузах города Горького после решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам» указано, что преподаватели пединститута Н.П. Соколов и В.Т. Илларионов в своих лекциях преклонялись перед буржуазными учеными⁴⁰.

22 апреля 1949 г. Соколов присутствовал на объединенном заседании кафедр всеобщей истории и истории СССР, где «проработке» за «космополитизм» в научных и учебных трудах подверглись Архангельский и Илларионов⁴¹. В январе 1953 г. недруг Архангельского – Н.М. Добротвор – критиковал его вместе с Соколовым. Незадолго до смерти Сталина Добротвор проводил проверку кафедры всеобщей истории ГГУ. 70-летнему Архангельскому попеняли на то, что он замкнулся в академической науке, совсем не выступает с публичными лекциями, и посоветовали выехать на Сормовский завод и прочитать лекцию⁴². Соколов критиковался за то, что он в лекциях по истории Средних веков не предваряет изложение материала «учением Сталина о базисе и надстройке», что не упоминает Сталина в своих занятиях⁴³. Добротвор пытался уязвить историков дореволюционной выучки.

«Несмотря на его явную к ним враждебность, Архангельский или Илларионов (я не уверен, кто из них в это время был деканом) пригласили Добротвора прочитать нам курс истории СССР советского периода. Читал он скучно и, естественно, близко к “Священному писанию”, каковым в то время был Краткий курс Истории ВКП(б). Только два момента привлекли тогда мое внимание: во-первых, уважительное упоминание Покровского (... тогда это было рискованной ересью), во-вторых, замаскированная атака на Архангельского и Соколова. В одной из лекций, кажется, в историографическом введении, Добротвор, рассуждая об историках дореволюционной выучки, утверждал, что они, уходя от идеологической борьбы за линию партии в освещении отечественной истории и, особенно, современности, прячутся в тематике Всеобщей истории, где ведут исследования в русле буржуазной историографии и некритически используют работы враждебных марксизму авторов. Он не называл конкретных имен, но для тех, кто знал о «разборках» в Педагогическом институте было ясно, в кого направлены стрелы. Я не ручаюсь за дословность формулировок, но смысл был именно такой. Все это было в духе времени, и я бы просто пропустил мимо ушей все эти инвективы, если бы не понял, кого именно он имеет в виду. Дело, как я понимаю, в том, что целью Добротвора было скомпрометировать классово чуждый элемент (на самом деле за этим скрывалась личная неприязнь)»⁴⁴.

⁴⁰ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6187. Л. 5.

⁴¹ ЦАНО. Ф. 907. Оп. 1. Д. 43. Кузнецов А.А. 2011.

⁴² ЦАНО. Ф. 907. Оп. 1. Д. 102. Л. 21.

⁴³ ЦАНО. Ф. 907. Оп. 1. Д. 102. Л. 5–10.

⁴⁴ Не подводя итоги... С. 103.

В 1954 г. Н.П. Соколов защитил докторскую диссертацию «Образование и первоначальная организация Венецианской колониальной державы». В архиве хранится лишь первый ее том (508 с.), написанный в 1952 г.⁴⁵ Некоторые обстоятельства защиты открываются в письмах И.И. Любименко к С.И. Архангельскому:

30.4. 1952 – «Будьте добры передать проф. Соколову, что перед отъездом я отдала отзыв о его диссертации М.В. Левченко, как заведующему кафедрой средних веков в Ленингр. Университете. Если бы защиту назначили на май или первые числа июня, то могут зачитать мой отзыв в виду отсутствия оппонента. Если понадобится экземпляр диссертации, который у меня, то его можно будет получить, т.к. в квартире моей будут жить родственники»; 9.6.1952 – «Интересуюсь вопросом о планах Соколова, диссертация которого лежит у меня без движения. В его возрасте время терять как-будто не следовало. Уезжая в Кисловодск, я отдала один экземпляр своего отзыва, который у меня давно написан, Левченко и предупредила племянницу, чтобы, в случае требования, она выдала находящийся у меня экземпляр диссертации. Ведь в крайнем случае мой отзыв могли бы просто зачитать. Но, повидимому, все осталось в прежнем положении. Сроки защиты подходят к концу, следовательно дело откладывается на осень?»⁴⁶.

Таковым после введения в оборот новых документов видится тернистое возвращение Н.П. Соколова в высшую школу и в науку. Не раз на этом пути громоздились политические и идеологические камни преткновений. Преодоление препон показывает самоценность для него исторической науки, на фоне которой меркнут все остальные увлечения и интересы. «Любил профессор Соколов, обращаясь к молодым, повторять: «Наука – самая ревнивая из женщин, она измен не прощает»»⁴⁷. Для кого-то эта позиция служения покажется узкой и однобокой (оговорим, что находил профессор Соколов время и для созерцания звездного неба через телескоп, для укрощения мотоцикла и моторной лодки, овладения искусством цветной фотографии, внимания «зарубежным голосам»⁴⁸), но такая верность однажды выбранному пути внушает уважение.

Теперь можно объяснить поведение Н.П. Соколова в 1968–69 гг. на историческом факультете Горьковского государственного университета. Вот как упоминает Соколова мемуарист, описывая изгнание диссидентов из ВУЗа: «Следующей жертвой стали В.Г. Бабаев и В. Федоров (филолог)... Я услышала голос Н.П. Соколова и подумала, вот он сейчас вас

⁴⁵ ЦАНО. Ф. 2976. Оп. 1. Д. 1.

⁴⁶ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 109, 114–114 об.

⁴⁷ *Меженин, Кузнецов*. 1996. С. 170–171. Другой вариант приведен в мемуарах профессора Е.В. Кузнецова: «Как говаривал в те годы Николай Петрович Соколов, «историческая наука – дама ревнивая, она требует преданности и не прощает измен»» (*Кузнецов*. 2008. С. 94).

⁴⁸ *Меженин, Кузнецов*. 1996. С. 173.

всех раскидает. Но он сказал...: «Я тебя всегда называл сынком. А теперь скажу, как говорили в монастырях, иди и проси хлеб в другом монастыре (это В.Г. Бабаеву, его аспиранту)». Услышав это, мы все вздрогнули. И это независимый Н.П. Соколов?»⁴⁹. Тем не менее, в этих словах выразилось независимое отношение Соколова к ученику, изменившему Историю как науке. Для Соколова было неважно то, ради чего изменили «самой ревнивой из женщин» – «она измен не прощает». Поэтому он и совершил акт отвержения того, кого считал сыном.

Эта верность обусловила и бескомпромиссное поведение Соколова на историографической арене. В 1961 г. С.В. Фрязинов писал в Горький о том, что в Ленинграде прошла защита диссертации Е.Ч. Скржинской об Иордане, а «с ней воевал Соколов»⁵⁰. Еще один известный эпизод из биографии ученого имеет яркое и противоречивое освещение. «Достаточно взглянуть на дискуссию в ж. «Средние века» по докладу А.И. Неусыхина, где видна наибольшая основательность в речи Н.П. Соколова, а весьма уважительный ответ академика по дискуссии фактически был направлен только нижегородскому Мастеру»⁵¹. Речь идет о критике Соколовым доклада Неусыхина⁵². Тональность этой критики, что называется, была «на грани фола». Среди горьковских историков начала 1990-х гг. ходил не отразившийся официально слух, что Соколов и Неусыхин обменялись упреками в плохом владении оппонентом латынью средневековых источников. Активность Соколова на дискуссии проявилась и в обсуждении доклада А.Я. Гуревича. Если доверять свидетельству Л.М. Баткина: «А весной 1966 г. я впервые услышал публичное выступление Гуревича: тоже в Москве, на многолюдной конференции по генезису феодализма. Именно его яркий доклад, произнесенный, как всегда, стремительно и непринужденно, и повторное слово, взятое для отповеди, если не ошибаюсь, итальянисту Соколову, оказались стержнем острой фабулы этой конференции»⁵³, – то надо констатировать, что отчет о дискуссии не отразил всей отповеди Гуревича. Соколов и сам выступал задиристо, принципиально, отстаивая подходы классической исторической науки (в том числе, уже сложившейся советской) перед модерновыми новациями, выраженными А.Я. Гуревичем⁵⁴.

⁴⁹ Выпуск 1964 г. Нина Николаевна Байдакова. 2006. С. 45.

⁵⁰ ЦАНО. Ф. 6161. Оп. 1. Д. 390. Л. 23.

⁵¹ Николай Анатольевич Бенедиктов. 2005. С. 58.

⁵² *Неусыхин*. 1968. С. 45–48; Обсуждение доклада А.И. Неусыхина. 1968. С. 56–58, 59–61.

⁵³ *Баткин Л.М.* 1994. С. 6.

⁵⁴ *Гуревич*. 1968. С. 64–65; Обсуждение доклада А.Я. Гуревича. С. 70–71, 72–76.

Соколов бескомпромиссно боролся и с рядом коллег. Близкий ему по возрасту С.В. Фрязинов сообщал горьковскому корреспонденту о намерении Соколова «воевать» с В.В. Пугачевым⁵⁵. «Война» развернулась принципиальная, если судить по одному свидетельству (без даты и контекста): «В.В. Пугачев как-то предложил опубликовать одну из последних работ Николая Петровича в вузовском сборнике. – Зачем? Это интересно всего 7 или 8 человекам на Земле [риторический вопрос Н.П. Соколова]»⁵⁶. Пугачев пытался восстановить отношения, по крайней мере, сделать их нейтральными и ради этого предложил Соколову опубликоваться, но тот самоуничижительно и категорично обесценил этот жест. Хотя до конфликта недавно пришедший на исторический факультет ГГУ Пугачев активно содействовал изданию в Саратове докторской монографии Соколова⁵⁷, посвященной образованию Венецианской колониальной империи⁵⁸. Потерей для историко-филологического факультета стал уход крупного антиковеда В.Г. Боруховича. «В.Г. Борухович защитил докторскую диссертацию в 1967 году... Конфликтная ситуация с неконфликтным В.Г. Боруховичем, усугубленная склоками на факультете, закончилась его отъездом в Саратов. Для факультета это была потеря... Нужен был уровень и блеск, а появившийся взамен античник, если его и наработает когда-либо, то пройдут многие десятилетия»⁵⁹. Странники политической борьбы, нацеленной на создание условий для занятия исторической наукой, в этом уходе винили Соколова: «И, конечно, не без благословения Соколова с кафедры – и из университета – был вытеснен В.Г. Борухович»⁶⁰. В отношении Соколова к Боруховичу мог примешиваться и другой мотив. Объясняя уход Боруховича в Саратовский университет, мемуарист отметил: «Потом я узнал, что антисемитизм исходил прежде всего от профессора Н.П. Соколова»⁶¹.

Эти обстоятельства позволяют объяснить позицию Соколова в 1968–69 гг. В цитате, где вопрошается о независимости Н.П. Соколова, встречаемся «с искусственным переносом тех идей и социальных переживаний 1960–1970-х гг. на людей более ранних поколений». 75-летний Н.П. Соколов высказывался по поводу социалистической действительности в стране: «Раскачивать лодку социализма – это вредное дело, ко-

⁵⁵ ЦАНО. Ф. 6161. Оп. 1. Д. 390. Л. 52 об. О В.В. Пугачеве см.: *Динес*. 2001.

⁵⁶ *Помазов*. 2005. С. 38.

⁵⁷ Взято из рукописи И.В. Кетковой «Н.П. Соколов. Классическое наследие».

⁵⁸ *Соколов*. 1963.

⁵⁹ Николай Анатольевич Бенедиктов. 2005. С. 57.

⁶⁰ *Помазов*. 2005. С. 38.

⁶¹ *Строгецкий*. 2009. С. 77.

торое ни к чему хорошему не приведет»⁶². Эта позиция не противоречит жизненному опыту Соколова. «Он часто говаривал, что принадлежит к самому несчастному поколению русских людей: две мировые войны, три российские революции, голодовки 20-х, раскулачивание 30-х, “ежовщина” – это далеко не все, что пришлось пережить»⁶³. Вот еще одно красноречивое свидетельство – из противоположного лагеря – студента-диссидента второй половины 1960-гг.:

«В 1965 г. в ВУЗах был введен курс научного атеизма. Читать его у нас дали удивительному человеку и большому ученому Николаю Петровичу Соколову... Иногда в середине лекции, видя, увы, полное отсутствие внимания (большинство читали в это время самиздат, данный на одну лекцию) – он внезапно замолкал. Молчание продолжалось одну-две минуты. Мы, оглушенные его молчанием, тоже останавливались. Почти бесшумно прятался самиздат, раскрывались тетради с конспектами лекций и наступала напряженная тишина. Николай Петрович, не глядя на нас, спокойно подходил к окошку и... негромко говорил: “Когда я весной 1911 г. гулял по берегам Рейна, увитым виноградниками...” затем следовала небольшая пауза и далее “А в России порядка все нет и нет”. Затем он подходил к кафедре и спокойно продолжал свой рассказ. Мы... выслушивали эту сентенцию, чувствуя смущение и стыд. Но через 10–15 минут листы самиздата снова ложились на наши колени, лекция продолжалась обычным порядком. Как я сейчас думаю, он не был атеистом, но, конечно, не был и верующим. Скорее всего, это был позитивист, поклонник разума и научной истины. И, как ни странно, это и оказалось “ахиллесовой пятой” нашего курса научного атеизма. Он не мог говорить и рассказывать так, как это требовалось программой, не мог повторять азы жалких брошюр... Он предложил нам принести на занятия тексты Библии, чтобы на семинарах работать с ними... Открывалась неисчерпаемая сокровищница мысли, чувств, нравственных требований. Мы были ошеломлены»⁶⁴.

Контекст приведенных свидетельств позволяет присоединиться к мнению Е.В. Кузнецова об отношении Н.П. Соколова к процессам на историко-филологическом факультете ГГУ в 1960-е гг.: «Я должен со всей ответственностью заявить читателям, что мой наставник Н.П. Соколов был на стороне защиты существовавшего государственного порядка... Ключевым словом является понятие “порядок” – тот порядок, который позволял спокойно и плодотворно трудиться»⁶⁵. Думается, что смена социального строя, от которого много претерпел Н.П. Соколов, казалась ему чреватой потрясениями и лишениями, грозящими прервать развитие науки, установившееся течение жизни и привычный исследовательский процесс. В последнем можно усмотреть и желание подла-

⁶² См.: С.И. Архангельский как наставник и ученый. 2009. С. 145.

⁶³ *Меженин, Кузнецов.* 1996. С. 173–174.

⁶⁴ *Капранов.* 2005. С. 111.

⁶⁵ *Кузнецов.* 2008. С. 110.

диться под тональность советской идеологии. Возможно, не только этими мотивами руководствовался Н. П. Соколов, обрушиваясь на своего ученика В. Бабаева:

«Человек он был жесткий... Он... считал, что трудные пережитии собственной судьбы дают ему право не очень сочувствовать другим. Он не хотел ввязываться ни в какие проблемы, грозящие неприятностями. Отсюда и его поведение в истории с Бабаевым. В борьбе, которая развернулась на истфаке между диссидентствующим Пугачевым и его противниками, Соколов довольно жестко выступил против пугачевцев... Трудно сказать, что именно лежало в основе позиции Николая Петровича – вынужденный конформизм или убеждения. Помню наш с ним разговор где-то в конце 50-х годов... Тогда актуальными были суждения о культе личности. Николай Петрович держал в руке палку, бил ей по песку, поднимая пыль, и повторял: “Массы – пыль, пыль. Только личность, только личность делает историю”. Примерно, в это же время мы... обсуждали американский фильм “Война и мир”... Потом разговор как-то соскочил на сам роман, и в какой-то связи Николай Петрович сказал, “Хватит в России переворотов. Не дай бог”. Возможно, именно отсюда и его позиция»⁶⁶.

Тем не менее, Соколов не принимал советский строй:

«Нонконформизм Н.П. Соколова выражался через призму локальных сюжетов лекционного материала, благо европейская история представляла обширное поле для ассоциаций. Как-то я зашла на его лекцию по античной истории (двери его аудитории были всегда открыты для всех желающих). Речь шла о событиях периода Октавиана Августа, когда при сохранении прежних форм государственного устройства, по сути, менялся политический режим, вводились другие нормы общественной жизни. Sapienti sat (умному достаточно) – закончил свою лекцию профессор. Современность имплицитно присутствовала в его лекции»⁶⁷.

Жизненный опыт Соколова вкупе с научной и гражданской позицией, выстраданной Историком, надолго оторванным от Дела жизни будил мысли о том, что не было сделано, поскольку жил он в «эпоху перемен». «Исчезнет боль разочарования, и как-то, казалось бы, в совершенно спокойной беседе обмолвится перед своими близкими учениками профессор Соколов о пережитом, придут ему на ум слова друга М.В. Левченко, памяти которого Н.П. Соколов посвятил свою монографию о Венецианской колониальной империи: “Если бы не случилось то, быть бы нам с Вами, любезный Николай Петрович, академиками”»⁶⁸. Возможно, Соколов вычленил из слов Левченко идею о том, сколько не

⁶⁶ Не подводя итоги... 2011. С. 106-107.

⁶⁷ Из рукописи И.В. Кетковой «Н.П. Соколов. Классическое наследие».

⁶⁸ *Меженин В.М., Кузнецов Е.В.* 1996. С. 169. Возможно, М.В. Левченко был не объективен по отношению к себе и коллеге. Н.П. Грацианский писал С.И. Архангельскому 22 января 1941 г.: «Была защита ряда докторских диссертаций, между прочим, очень неважной диссертации Левченко (известный Вам курс истории Византии)». ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 145. Л. 4.

было сделано того, за что до 1917 г. избирали в Академию наук. В свою очередь, по отношению к ровеснику, единомышленнику, коллеге по преподаванию в ГГУ, эрудиту, знатоку истории Французской революции, средневековой истории Пиреней Сергею Васильевичу Фрязинову (1891–1971) Николай Петрович изрек: «Сергей Васильевич родился не в свой век: ему бы в Париж XVII века, чтобы стать украшением монастыря Св. Мавра (монахи которого проявили себя как глоссаторы и публикаторы древних текстов – преимущественно латинских и греческих)»⁶⁹.

Повторное упоминание метафоры монастыря, употребленной Н.П. Соколовым по отношению к исторической науке и месту, где обучают ее азам, позволяет представить образ Истории, сложившийся у Соколова. Монастырь – пространство, отгороженное от внешнего мира с его суетностью и страстями, что позволяет осуществлять служение.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреева Т.В., Соломонов В.А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. 376 с.
- С.И. Архангельский как наставник и ученый (интервью Р.В. Шиженского с Е.В. Кузнецовым) // *Пирени А.* Средневековые города и возрождение торговли/Перевод с английского и предисловие С.И. Архангельского. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного педагогического университета, 2009. С. 142–145.
- Баткин Л.М.* О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод // *Одиссей.* 1994. № 2. С. 5–28.
- Выпуск 1964 г. Нина Николаевна Байдакова // *Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников (выпуск третий).* Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. С. 43–47.
- Григорьева Е.А., Кузнецов А.А.* Представители петербургской исторической школы в Горьковском педагогическом институте (проблема адаптации традиций исторических школ в советском образовании 1930 – 1950-х гг.) // *Мир историка: историографический сборник.* Вып. 7. Омск: Изд-во Омского госуниверситета, 2011. С. 205–223.
- Гуревич А.Я.* Некоторые нерешенные проблемы социальной структуры дофеодального общества. Индивид и общество (Тезисы доклада) // *Средние века.* Вып. 31. М., 1968. С. 64–65.
- Динес В.А.* Пугачев Владимир Владимирович // *Историки России. Биографии.* М: РОССПЭН. 2001. С. 841–846.
- Капранов М.С.* Далекое – близкое // *Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников.* Нижний Новгород: б/и, 2005. С. 108–112.
- Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. 384 с.
- Кузнецов А.А.* «Ошибки космополитического порядка налицо...»: к истории одной идеологической кампании в г. Горьком // *Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. А.Н. Маслова.* Нижний Новгород: Пламя, 2011. С. 82–102.

⁶⁹ *Кузнецов Е.В.* 2008. С. 83.

- Кузнецов Е.В.* Одна жизнь менялась на другую. Мемуары русского историка. Арзамас, 2008.
- Кузнецов Е.В., Меженин В.М.* Николай Петрович Соколов // Горьковский государственный университет: выдающиеся ученые. Горький: Издательство ГГУ, 1988. С. 126–136.
- Меженин В.М., Кузнецов Е.В.* Страницы нижегородской историографии: профессор Н.П. Соколов // Исследования по истории России. Межвузовский сборник научных трудов. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 1996. С. 165–174.
- Не подводя итоги... (Письмо профессора А.Я. Левина А.А. Кузнецову по поводу его статей, посвященных борьбе с космополитизмом в исторической науке г. Горького и биографии Н.П. Соколова от 28.09.2011) // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. А.Н. Маслова. Нижний Новгород: Пламя, 2011. С. 103–108.
- Неусыхин А.И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (Тезисы доклада); Обсуждение доклада А.И. Неусыхина (выступление Н.П. Соколова и часть ответа А.И. Неусыхина, адресованная Н.П. Соколову) // Средние века. Вып. 31. М.: Наука, 1968. С. 45–48, 56–58, 59–61.
- Николай Анатольевич Бенедиктов // Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников (выпуск второй). Нижний Новгород: б/и, 2005. С. 55–61.
- Обсуждение доклада А.Я. Гуревича (выступление Н.П. Соколова и часть ответа А.Я. Гуревича, адресованная Н.П. Соколову) // Средние века. Вып. 31. М.: Наука, 1968. С. 70–71, 72–76.
- Обсуждение доклада А.И. Неусыхина (выступление Н.П. Соколова и часть ответа А.И. Неусыхина, адресованная Н.П. Соколову) // Средние века. Вып. 31. М.: Наука, 1968. С. 56–58, 59–61.
- Помазов В.В.* Духовной жаждой томим (Из воспоминаний выпускника истфака) // Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников (выпуск второй). Нижний Новгород: б/и, 2005. С. 34–53.
- Соколов Н.П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 1963. 563 с.
- Строгецкий В.М.* Несколько слов о В.Г. Боруховиче // Владимир Григорьевич Борухович в воспоминаниях и письмах. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2009. С. 77–79.
- Фионова Н.А.* Николай Петрович Соколов. Биобиблиографическая справка. Горький: Изд-во ГГУ, 1990. 16 с.
- Григорьева Екатерина Алексеевна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории зарубежных стран Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; pps74@list.ru
- Кузнецов Андрей Александрович*, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой историографии и источниковедения Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; nalbuз@mail.ru